

спорном и современном, находить такие слова и такую перспективу, что её принимали и те и другие. Поэтому же, собранные в книгу, эти стихи не пропускались ни правой, ни левой цензурой», поскольку ни та ни другая не могли принять его главный принцип: «Человек... важнее его убеждений. Поэтому единственная форма активной деятельности, которую я себе позволял, – это мешать людям расстреливать друг друга». Да и собственная его жизнь могла оборваться в любую минуту. «Кто меня раньше повесит – красные за то, что я белый, или белые за то, что я красный?..» – писал он в августе 1921-го А. М. Петровой.

В последние годы жизни Волошина и в последующие пять-шесть десятилетий его стихи распространялись «тайно и украдкой» в тысячах экземпляров. Сегодня его книги – на полках наших библиотек; сбылось то, о чём писал поэт, обращаясь к Е. И. Дмитриевой, а возможно – к любому своему будущему читателю:

Меня отныне можно в час тревоги
Перелистать,
Но сохранят всегда твои дороги
Мою печать...

ЯВЬ НАШИХ СНОВ... ЭПИЛОГ

На дне души гудит подводный Китеж –
Наш неосуществимый сон!

Китеж

На четырёхугольной вышке Дома Поэта всё так же стоит его хозяин, вглядываясь в звёздную даль, в чернеющее перед ним море... Откуда-то с прибрежной полосы, или это только чудится, доносятся обрывки разговора:

– Когда мы жили в Севастополе... я помню деревья... Они росли сквозь дома. Мама, почему деревья растут сквозь дома?

– Это бывает после войны, когда дома разрушены.

– А отчего бывают войны?

– Оттого, что злые духи распоряжаются поведением людей.

– А богатырь может победить злых духов?

– Конечно, Макс.

– А тот, кто пишет сказки, поэт, он может?

– Он тем более...

– Господи, я так хочу стать поэтом, помоги мне!

...А на вышке уже собрались «обормоты». Заразительно смеются Марина Цветаева и Сергей Эфрон, о чём-то горячо спорят Алексей Толстой и Мандельштам, дружески беседуют Николай Гумилёв и Лиля Дмитриева, командарм Кожевников, в форме почтового чиновника, что-то доказывает Казику Добраницкому; присутствуют и никогда ранее здесь не бывавшие Сергей Маковский и Константин Бальмонт. Но нет среди них Макса...

А вдалеке завиднелась направляющаяся к ним «по лону вод» фигура в чём-то белом. Пышные волосы, борода, на лбу – венчик. Возможно, это «гений места» и «устроитель судеб» Коктебеля... Может быть, Одиссей, только что покинувший «смолёную ахейскую ладью»... Или... Видение исчезло. Да и было ли?..

Откуда-то издали нарастает колокольный звон, всё преобразуется. И уже трудно различить – морская ли гладь простирается перед глазами коктебельских гостей или это таинственное озеро Светлояр раскинуло свои воды... Заворожённо и благоговейно

наблюдают они, как в глубине его показались купола церквей и медленно-медленно потянулись к поверхности... Серебряный звон всё слышнее и слышнее... И вот уже открылся глазам красавец Китеж, город русских преданий, поэтической мечты и неумирающей надежды...

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Александр Максимович Кириенко-Волошин, отец поэта.